

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА
И ЗНАЧЕНИЯ С ЦИТАТАМИ
ЛЕНИНА ХРУЩЕВА ЕСЕНИНА
СТАЛИНА БАРКОВА ПУШКИНА
МАЯКОВСКОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО
ЛЕРМОНТОВА СОЛЖЕНИЦЫНА
И ДР.**

BEYOND THE RUSSIAN DICTIONARY

А. ФЛЕГОН

THIRD EDITION

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА
И ЗНАЧЕНИЯ С ЦИТАТАМИ
ЛЕНИНА ХРУЩЕВА ЕСЕНИНА
СТАЛИНА БАРКОВА ПУШКИНА
МАЯКОВСКОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО
ЛЕРМОНТОВА СОЛЖЕНИЦЫНА
И ДР.**

BEYOND THE RUSSIAN DICTIONARY

А. ФЛЕГОН

THIRD EDITION

А. ФЛЕГОН

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ

(Дополнительные слова и значения с цитатами
Ленина, Хрущева, Сталина, Баркова, Пушкина,
Лермонтова, Есенина, Маяковского, Солженицына,
Вознесенского и др.)

FLEGON PRESS

Copyright 1973, Flegon Press
London

THIRD EDITION

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical or photocopying or stored in any retrieval system without the prior permission of the publisher.

Reprinted in Great Britain

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шесть лет тому назад один из моих приятелей, окончивший Оксфордский университет и получивший докторат по русской литературе в Лондонском университете, позвонил мне и попросил объяснить значение русского выражения «собачья свадьба». Он встретил это выражение у Горького, которого он переводил для одного из самых больших издательств мира — «Пенгвин». Никто из профессорских кадров лондонского университета, к которым он обращался, не мог ему помочь (в словарях этого выражения не было и нет до сих пор). Приблизительно в то же время я встретил англичанина, который работал техническим переводчиком с английского на русский и в Лондоне считался хорошим специалистом. Однако он не мог работать устным переводчиком для советских делегаций, так как не понимал живого русского языка, применяемого в настоящее время в СССР. Мой знакомый изучил русский язык в школе на основе рекомендуемой классической литературы и существующих советских словарей. Советских газет он не читал, так как там встречалось много слов, которых не было в словарях, и это его только раздражало. Эти два факта, а также некоторые другие (напр. появление советских песен на Западе с текстами, непонятными для людей, изучивших русский язык в западных школах) натолкнули меня на мысль о создании словаря лексических единиц, не включенных в современные словари.

Я считал, что такой словарь был бы очень полезным, и так как таких слов не могло оказаться более пятиста, то такой словарик можно было бы составить в течение двух

недель. Я принялся за работу... Она продолжалась пять лет, и я нашел 40.000 слов (не включая украинских в произведениях Солженицына, 1200 грузинских в советских переводах с грузинского и тысяч разных диалектизмов, не упомянутых в существующих словарях русского языка). Печатание словаря такого объема, вместе с цитатами, кажется мне нецелесообразным в настоящее время, так как такой словарь был бы не по карману западному студенту или советскому туристу. Поэтому я решил печатать этот материал по темам.

В настоящий словарь включены слова, связанные с понятиями *отец, мать, сын, дочь, дед, баба, муж, жена, самец, самка, любовник, любовница* и с деятельностью этих лиц, направленной на воспроизведение человеческого рода. Назвать этот словарь эротическим было бы не совсем правильно, так как в нем находятся слова, не имеющие ничего общего с эротикой. Необычный подбор слов вообще затрудняет нахождение правильного названия. Выбранное мною название не покрывает всех слов, включенных в настоящий словарь, но дает идею его общего направления. Из названия следует, что сюда вошли разные ругательства, встречающиеся в русском языке. Может быть при коммунизме они выйдут из употребления, но в настоящее время ни один нормальный русский не считает возможным построить коммунизм без ругательств.

Так как многие неприличные слова печатаются впервые в настоящем словаре, то я считаю, что было бы интересно показать их применение в разных этапах исторического развития русского общества. Однако это не всегда оказалось возможным из-за того, что каждый издатель старался выпустить как можно более «пристойную» книгу.

Вот что пишет по этому поводу В. Чернышев в предисловии к «Русской балладе», вышедшей в издательстве «Советский Писатель» в 1936 г.:

Как особый вид общественной цензуры, соблюдение приличия, в изменяющихся, новейших его представлениях, тоже произвело разные перестройки в словесной форме и реальном содержании нашей эпической

песни. Первобытная свобода в словах, мыслях и картинах повествования, свойственная древнейшей стадии нашей песни и ясно видимая в старших ее записях, например, в сборнике Кирши Данилова, в рукописных песенниках XVIII века, так же как в недавно закрепленных в печати образцах живой песни у ее лучших носителей в крестьянской среде, не есть грубость или распущенность нравов старого городского общества и сельского населения. Она — след происхождения и обращения песенного материала в архаичном обществе, в среде первобытной, наивной, с идеологиєю древнейшею, с языком старорусским. «Неблагопристойные» моменты продуктов нашего песенного творчества интересуют нас как пережитки первых стадий общественного развития, как литературно-исторические «свидетельства». Но мы во многих случаях теперь не можем уже использовать нашу эпическую песню как документ, изображающий предшествующие состояния и эпохи развития общества, потому что в ней, по воздействию и требованию приличия, эти нужные нам и редко встречающиеся показания истреблены. В песенниках XVIII века мы находим, например, замечания при известной песне: «Уж я золото хороню, хороню», что конец ее не мог быть напечатан по неблагопристойности. Если бы мы знали этот неприличный конец песни, то возможно, что мы могли бы выяснить более точно отношение этой песни к какому-нибудь особому ритуалу; без этого она остается для нас только вообще святочно-игровой. Конечно, иногда мы можем обнаружить подделку или переделку песни для придания ей приличного вида. Например, в третьей части песенника Чулкова № 140 оканчивается так:

Оставалася девица
У молодца ночевать,
Во всем платье спать ложилась
На тесовую кровать.

Мы знаем по фольклорным записям, что вместо этого должен был следовать тот же конец, который нахо-

дится в известной, действительно неприличной, песне: «Ночуй Дуня, у меня». Эта песня, как и некоторые другие, ей подобные, вероятно, пелась на свадебных пирах и тот момент, когда новобрачные отводились в подклеть и когда, как это мы видим, например, в обстоятельной статье Предтеченского «О свадебных обрядах г. Чердыни», гости предавались безграничному веселью. «Приличие и благопристойность, не различая пола, изгоняются на время совершенно», поют, кружатся, прыгают и «пьют с такими обрядами, — говорит автор, — подробности которых мы оставляем, потому что в этой, в основании своем обрядовой вакханалии, иное — по выражению одной рукописи XVIII века — странно не токмо речи, но и помыслить» («Пермский сборник», кн. I, отд. II, стр. 93). Указание на эту вакханалию в данный момент свадебного ритуала мы имеем и в разных других источниках, в которых сообщается, что неприличные песни известного содержания составляют основной репертуар поющих.

Нас интересует и словарь песни в ее подлинном состоянии, между тем Чулков и в нем иногда не точен ради приличия. Так, он не решается передать даже обычное слово *портomойница* и заменяет его деланным *платьямойница*.

Можно было подумать, что в книге с таким предисловием все старинные русские баллады будут напечатаны полностью или, в крайнем случае, с начальной и последней буквами неприличного слова. Но увы, это оказалось не так, и виноват в этом, вероятно, не автор, а издатель. На стр. 214 находим:

Мне сухие-то сучечки
Бока проломали.
Мне ползучи муравли
Ножки . . . и! —

На стр. 251:

Монашеньки
Игуменья сводня.
Архирей потатчик,

Задонской монах

Загулялся в уш,

Монашеньки люли, монашеньки люли! и т. д.

Все-таки мы считаем, что более честно оставлять много-
точие в тексте автора, чем вписывать свои собственные сло-
ва, как делают в настоящее время издатели Маяковского.
На протяжении тридцати семи лет поэма Маяковского «Во
весь голос» содержала во втором предложении слово «говно»
или «г». И вдруг в 1967 году, в книге издательства «Ху-
дожественная литература», вышедшей в серии «Библио-
течка русской советской поэзии в пятидесяти книжках»,
мы читаем:

Уважаемые

товарищи потомки!

Роясь

в сегодняшнем

окаменевшем *дерьме*,

Наших дней изучая потемки,

вы,

возможно,

спросите и обо мне.

То же самое? Так зачем же тогда менять, если это действи-
тельно то же самое? С точки зрения человека, изучающего
лексику русского языка, это совершенно не то же самое.

Еще более грубый подмен, который с точки зрения
лексикографа является совершенно недопустимым, мы
встречаем в книге «Песни Печоры и зимнего берега», вы-
пущенной Академией Наук СССР в 1961 году. Здесь мы
читаем:

Она коленца-то жмет

Знать кому бережет.

Из других былин мы знаем, что вместо «кому» должно быть
«куну» (неприличное слово, означающее женский половой
орган). Ввиду того, что эта книга была вообще очень добро-
совестно подготовлена, то можно допустить, что здесь мы
имеем дело не с сознательной фальсификацией, ради при-
личия, а просто с ошибкой собирателя, который никогда не
слыхал слова «куна» и вообразил, что крестьянин произно-

сил неправильно слово «кому». Такое объяснение вполне правдоподобно, если подумать, что даже редакторы словаря Даля никогда не слыхали о применении этого слова в русских былинах и вообще в фольклоре. Иначе в словаре Даля это слово не приписывалось бы студенческому жаргону.

Печатание или, наоборот, непечатание неприличных слов в современной русской литературе не соответствует никакой логике, но это мотивируется некоторыми принципами. Для двуязычных словарей действует принцип «мы должны знать все неприличные слова иностранцев, но иностранцы не должны знать наших неприличных слов». Таким образом, в последнем англо-русском словаре издательства «Советская Энциклопедия» (1972 г.) можно найти все неприличные английские слова, которых нет в русско-английском словаре. В большом польско-русском словаре есть некоторые неприличные слова, которых нет в русско-польском, хотя оба словаря составляют один комплект (например, *gówno, dupa, kurwa*). Даже в молдавско-русском есть слова, которых нет в русско-молдавском (напр., ню).

Одноязычные словари составляются по принципу «в словарь не должно войти ни одно неприличное слово, даже если оно встречается у всех писателей. Русские словари не должны помогать строителю коммунизма или даже капитализма узнавать новые неприличные слова». На основе этого принципа в советских словарях отсутствуют такие невинные слова, как нудист или ню, не говоря уже о более пикантных, как, напр., дерьмо, которое встречается почти у всех советских писателей. Очевидно есть руководители, которые считают, что достаточно исключить слово из словаря, и оно исчезнет из языка. Они, вероятно, забывают, что было время, когда словари совершенно не существовали, но, несмотря на это, люди общались между собой. Они имели свой язык даже в то время, когда еще не умели писать. Трудно поверить, поэтому, что чистота языка зависит от чистоты словаря.

В отношении литературных произведений действует другой принцип. Если книга написана известным писателем и печатается на блестящей дорогой бумаге, то из нее нужно

изъять все неприличные слова. Если она принадлежит неизвестному автору и печатается на плохой бумаге, то в ней можно оставлять даже такие слова, как задница, курва и пр. «Жопа» и «блядь» можно писать только начальными буквами с соответствующим количеством точек, чтобы читатель мог догадаться, какое именно слово отсутствует. Для народных названий половых органов нельзя ставить начальную букву, но допускается применение несуществующего слова, так чтобы читатель мог легко догадаться, что именно нужно читать («смефуечки» у Солженицына). Народные слова, обозначающие совокупление, нельзя печатать ни в коем случае.

Из этих общих правил существуют однако исключения, которые объясняются либо невнимательностью, либо глупостью цензора. Так, например, на стр. 437 книги В. Маяковского «Стихотворения, поэмы», Лениздат, 1965, слово «блядь» напечатано при помощи первой буквы и точек, а на стр. 41 той же книги оно напечатано полностью.

Отсутствие официального словаря, содержащего неприличные слова, ведет часто к спорам о правильности произношения или правописания какого-либо слова. Каждый из спорщиков опирается на свои знания с детства, и они часто отличаются, так как в разных частях России существуют свои диалекты. Мне не раз приходилось слушать споры о том, нужно ли писать «сс» или «сц» в следующих строках Есенина:

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обосцать!

По вышеуказанным причинам, также как и по другим, менее важным, я считаю, что назрело время выпустить словарь, содержащий и неприличные слова русского языка.

Слова, вошедшие в настоящее издание, делятся на две основные группы. В первую группу входят слова с одним значением, но не печатающиеся в существующих словарях (напр. бандырь). Во вторую группу входят многозначные слова. Одобренные значения этих слов печатаются во всех словарях, но не одобренные нигде не упоминаются (напр. давать). В принципе я старался не давать известные зна-

чения слов второй группы, а только те, которые сознательно упускаются авторами «приличных» словарей. Однако в редких случаях мне пришлось дать все понятия отдельного слова с тем, чтобы читатель смог увидеть сразу сколько значений данного слова не приводится в обычных словарях.

Исключение составляет малая группа официально признанных слов (напр. аборт). Они включены для того, чтобы показать советскую точку зрения на определенные явления, поступки или представления.

Я считаю, что для студента-иностранца было бы лучше, если бы словарь не содержал цитат. Он тогда был бы меньшего формата и стоил бы дешевле. Однако такой словарь дал бы возможность некоторым академикам, как советским так и западным, заявить, что слова, включенные в словарь, не существуют в русском языке. По этой причине нам пришлось включить цитаты, которые иногда не облегчают понимание слова, а служат лишь свидетельством того, что данное слово существует в русском языке. Если какое-либо слово имеет несколько значений, то в словарь были включены только цитаты тех значений, которые соответствуют тематике словаря.

Для обычного слова, существование которого не вызывает никакого сомнения, я считал достаточным привести одну цитату. Если же какое-либо слово объясняется совершенно иначе в существующих словарях (напр. дерьмо, стерва), то я старался дать достаточное количество цитат с тем, чтобы читатель убедился в его широком применении в том смысле, в котором оно объясняется в настоящем словаре.

Почти все цитаты взяты из советских книг, вышедших за последние шесть лет в СССР. Остальные — это цитаты из книг Солженицына и еще двух-трех советских авторов, печатающихся на Западе (не более 10%).

Устарелые слова я старался не включать в словарь. Однако существуют некоторые архаизмы, которые довольно часто встречаются у русских классиков или в былинах,

изучающихся в школе. Такие слова были включены с заметкой (уст.) или (стар.).

При указании источника я пользовался следующим принципом: если цитата взята из известного автора, или же если она не имеет особого значения, то я считал, что достаточно указать только имя автора. Если же цитата может вызвать некоторое сомнение, то я старался дать больше информации об источнике, включая год и место издания. К сожалению, этот принцип не всегда был соблюден, так как цитаты выписывались несколькими машинистками, которые либо добавляли больше информации, чем требовалось, либо забывали указать страницу, а иногда и вообще источник (таких цитат насчитывается, вероятно, не больше пяти, и в следующем издании они будут дополнены).

Все пушкинские цитаты взяты из книги «Пушкин без цензуры», вышедшей в издательстве Флегон Пресс.

Некоторые цитаты принадлежат автору. Они коротенькие и простые, и их можно сразу узнать.

Цитаты с указанием «Песня» взяты из народных песен. Эти песни войдут в отдельный сборник «Советский фольклор», который готовится в настоящее время к печати. Некоторые фольклорные цитаты (вероятно, не более пяти) оставлены в неправильном правописании. Оно соответствует народному произношению данных цитат.

Некоторые слова переведены на английский и французский языки. Возможно, что не все переводы удачны, но автор не ставил себе целью найти наилучший перевод какого-либо русского жаргонного выражения. Цель перевода — помочь студенту-иностранцу понять быстрее смысл слова. Автор не претендует на то, что может перевести точно, со всеми нюансами, на какой-либо язык синонимные ряды типа *алюра, шмара, бикса, лярва, лахудра, профура, бланкетка, сука, блядь, курва, баруха, марьяна, блудница, потаскуха, вертихвостка, камелия, дешевка, клавa, клара, краля, лаиса, аспазия, маруха, невеста, лакшовка, мессалина, олюра, падла, пакостница, птица, стерва, шкирла, шкица, хипесница*. Надеюсь, что критика и письма в ре-

дакцию помогут издательству улучшить качество перевода в будущем издании.

Из-за узости колонок и большого размера букв перенос слов не всегда соответствует желанию наборщика и составителя.

Малая буква в начале цитаты указывает на то, что цитата начинается с середины предложения. От обычного многоточия автор отказывается, с тем чтобы словарь вышел в минимальном объеме. Из того же соображения некоторые стихи не начинаются с красной строки. Начало новой строфы указывается большой буквой в середине предложения. Обычное разделение строф косой скобкой не применяется, чтобы облегчить чтение стихов.

При составлении настоящего словаря в основном были использованы следующие советские словари:

Ожегов С. И., *Словарь русского языка*, изд. «Советская энциклопедия», Москва, 1968.

Словарь русского языка, Академия Наук СССР, Институт языкознания, Госиздат иностранных и национальных словарей, Москва, 1957-1961.

Словарь современного русского литературного языка, Академия Наук СССР, Институт русского языка, изд. Академии Наук, Москва-Ленинград, 1950-1965.

Каждое слово, предназначенное для настоящего словаря, было сверено со всеми тремя вышеупомянутыми словарями. Если оно имеется в словаре Ожегова, и автор не мог добавить ничего нового, то оно не вошло в настоящий словарь. Если какое-либо слово находится только в 17-томном академическом, то оно было включено в настоящий словарь только в случае его широкого применения в русском языке или употребления в учебной литературе (в эту группу вошло приблизительно 50 слов).

Автор не сомневается, что настоящий словарь далеко не полный, и будет очень признателен всем тем, кто сможет помочь дополнить этот словарь для следующего издания.

А. Ф л е г о н

NOTE TO FOREIGN STUDENTS

Для того чтобы студенты, изучающие русский язык, могли легче понимать объяснения, данные в настоящем словаре, они должны знать, что синонимы «брань», «бранное выражение» и «ругательство» соответствуют английским выражениям «swear-word», «curse».

Русские глаголы «использовать» и «употреблять» означают не только «to use», но также «to fuck». По этой причине многие русские стараются избегать применение этих глаголов, считая их неприличными.

В настоящее время с этими словами происходит то, что во французском языке уже произошло с глаголом «baiser» (Бальзак применял его в значении — «целовать», а сегодня, этот глагол применяется в значении — «использовать женщину»).

ГЛАВНЫЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ак. — Академия
бран. — бранное выражение
вор. — воровской жаргон
вуль. — вульгарно
изд. — издательство
К.Г.Б. — Комитет Государственной Безопасности
к.-л. — кто-либо
Л. — Ленинград
ласк. — ласкательная форма
М. — Москва
медиц. — медицинский термин
мн. — множественное число
нар. — народное выражение
обл. — областное
перенос. — переносный смысл
Совпис — издательство «Советский Писатель»
Сиб. — сибирское слово
см. — смотри
стар. — древнерусское
стр. — страница
укр. — украинский
умень — уменьшительная форма
уст. — устаревшее слово
х.б. — хлопчатобумажный
ЦК — Центральный Комитет
ч.-л. — что-либо